

Васильева Инга Борисовна

ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ: "НА ЧУЖОЙ ТЕРРИТОРИИ"

В статье представлен анализ теории различий, объясняющей гендерную вариативность в языке наличием в обществе двух различных, но в равной степени значимых гендерных субкультур - "мужской" и "женской". Проблематичность такой интерпретации выявлена на основании материалов работ, в которых изучен коммуникативный стиль женщин в традиционно мужских профессиях (парламент, инженерное дело, полиция) с позиций этнолингвистики, социолингвистики и дискурсивного анализа. Показано, что в традиционно мужских профессиях "женский" коммуникативный стиль не имеет равноценной функциональной значимости наравне с "мужским" стилем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 55-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Печетова Н. Ю.** Интерпретация событийного концепта в медиатексте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 2. С. 144-149.
13. **Bandow D.** The Battle for Ukraine: U.S. and Russia Must Find an Exit if not Stage a Reset [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/dougbandow/2014/12/01/the-battle-for-ukraine-u-s-and-russia-must-find-an-exit-if-not-stage-a-reset/> (дата обращения: 08.10.2015).
14. **Fault for the Ruble's Collapse Lies with Mr. Putin** [Электронный ресурс]. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/fault-for-the-rubles-collapse-lies-with-mr-putin/2014/12/16/3f9a8a1a-8548-11e4-a702-fa31ff4ac98e_story.html (дата обращения: 08.10.2015).
15. **Tuftt B.** Russia's Warplanes are Risking Passenger Jets, Warns Nato Chief [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/nato-secretary-general-russias-warplanes-are-risking-passenger-jets-9863937.html> (дата обращения: 08.10.2015).

THE EXPANSION OF SUBSTANTIVE CONTENT OF THE CONCEPT "SAFETY" IN MODERN ENGLISH MEDIA TEXTS

Vardanyan Lyudmila Valerjevna, Ph. D. in Philology
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevev
ljudmila_v@mail.ru

The article represents the analysis of verbalization of the concept "safety" in English media texts. The author reveals some cases of expansion of substantive content of the concept with the help of words, which themselves do not directly relate to safety, however, in combination with other words or in a certain context, reveal the ideas of it, acquiring new shades of meaning.

Key words and phrases: concept; concept "safety"; verbalization of the concept; substantive content of the concept; meaning; context.

УДК 81'276.3-055.2

Филологические науки

В статье представлен анализ теории различий, объясняющей гендерную вариативность в языке наличием в обществе двух различных, но в равной степени значимых гендерных субкультур – «мужской» и «женской». Проблематичность такой интерпретации выявлена на основании материалов работ, в которых изучен коммуникативный стиль женщин в традиционно мужских профессиях (парламент, инженерное дело, полиция) с позиций этнолингвистики, социоллингвистики и дискурсивного анализа. Показано, что в традиционно мужских профессиях «женский» коммуникативный стиль не имеет равноценной функциональной значимости наравне с «мужским» стилем.

Ключевые слова и фразы: язык и гендер; гендерная теория; гендерные различия; профессиональный дискурс; коммуникативный стиль; социоллингвистика.

Васильева Инга Борисовна, к. филол. н.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
inga_yassilieva@hotmail.com

ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ: «НА ЧУЖОЙ ТЕРРИТОРИИ»[©]

Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00032 «Мужское» и «женское» в текстах культуры: русская и английская лингвокультурные традиции в сопоставительном аспекте».

С момента своего возникновения, в середине 70-х гг. XX в. исследования, посвященные изучению вариативности в речи мужчин и женщин, велись в рамках трех основных теоретических направлений: теории дефицитности, теории доминирования и теории различия. Данная статья посвящена аналитическому рассмотрению ключевых положений последней – теории различия, применительно к результатам и выводам, полученным лингвистами в области профессионально ориентированной коммуникации. Необходимо, с одной стороны, обобщить некоторые данные о коммуникативных условиях и практиках, в которых участвуют женщины, оказавшиеся по роду своей работы в традиционно «мужской» профессиональной области, а с другой – показать, что данная теория не обладает достаточной объясняющей силой (экспланаторностью) и не применима к объяснению гендерных проблем, возникающих в области профессионального общения.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению теории различия, необходимо представить ее в контексте двух предшествующих ей теорий – дефицитности и доминирования. Всестороннему критическому анализу

положений данных теорий посвящена обширная научная литература (см. подробно о теоретических направлениях в изучении гендера и языка: [6; 9; 14]). В рамках же данной статьи будет дан их краткий сопоставительный обзор.

В свете теории *дефицитности* язык мужчин рассматривался как некий «языковой стандарт», а женский вариант – как отклонение от него. В связи с этим объяснение различий вербального поведения мужчин и женщин сводилось к фундаментальному положению о том, что женщины, в отличие от мужчин, используют язык неадекватным образом и поэтому представляют себя в устной коммуникации неуверенными, некомпетентными и более эмоциональными. Согласно теории *доминирования* гендерные различия в языке объясняются отражением в нем всеобщего патриархального порядка в устройстве общества и трактуются с точки зрения проявления в языке мужских привилегий. Как социальная группа, имеющая доминирующий статус в патриархальном обществе, мужчины имеют право определять систему общественных норм и ценностей и, следовательно, влиять на формирование и утверждение языковых значений, практик и норм, дискриминирующих положение женщины в обществе. Надо отметить, что обе теории с негативных позиций характеризовали ситуацию, сложившуюся для женщин как в общественных, так и в дискурсивных практиках. Теория дефицитности представляла женщин как носителей языка, не способных достичь уровня владения языком, отвечающего мужскому лексическому и грамматическому стандартам. Теория доминирования же отводила значениям, соотношенным с «женским» референтом, преимущественно негативное семантическое пространство в языке, а самим женщинам – второстепенную, вспомогательную или подчиненную роль в коммуникативных практиках.

Теория *различия*, впервые сформулированная в начале 80-х годов прошлого века, представила собой разительный контраст с вышеописанными теориями в том смысле, что она предлагала альтернативную модель объяснения гендерных различий в языке, сняв с них дискриминирующую и негативную оценочность. Эта модель основывается на социолингвистических работах о межкультурной коммуникации. Взаимное непонимание мужчин и женщин в рамках теории различия интерпретируется как кросс-культурное непонимание представителей двух различных культур. Центральными понятиями в этой теории являются *социализация* (культурно обусловленное явление) и *субкультура*, а именно наличие в любом обществе двух гендерных субкультур – мужской и женской. В самых общих чертах теория различия объясняет формирование гендерно обусловленной специфики в языке следующим образом. Считается, что дети в процессе социализации обучаются правилам коммуникативного поведения не в смешанных группах, а в группах своих сверстников. Наличие двух субкультур в обществе предполагает различное отношение к мальчикам и девочкам, и в конечном итоге готовит их к выполнению различных социальных ролей, и дети вырастают, осваивая разные стили общения и имея различные ожидания относительно успешного процесса коммуникации. Это и объясняет коммуникативные неудачи и взаимное непонимание, часто возникающие в разговорах мужчин и женщин.

Сущность теории различия впервые прозвучала в работе Д. Мальца и Р. Боркер [10]. Их фундаментальный тезис состоит в том, что «общий подход к анализу трудностей межэтнической коммуникации может быть применен также к коммуникации двух полов» [Ibidem, p. 196]. Ученые утверждают, что с самого раннего периода социализация детей происходит среди сверстников, то есть в отдельных гендерных группах (мальчики/девочки). Игры и общение в этих гендерных группах и ведет к «выучиванию гендерно-специфических “культур”» [Ibidem, с. 203]. Причем игры мальчиков обычно включают много участников, содержат элемент соревнования и иерархической организации играющих, в то время как игры девочек обычно не содержат соревновательных элементов, а строятся на отношениях дружбы и не иерархичны. В результате девочки обучаются прежде всего коммуникативным стратегиям и навыкам, помогающим устанавливать и поддерживать дружеские отношения, выражать сопереживание и проявлять внимание к партнерам, в то время как мальчики приобретают навыки вербального самоутверждения и владения вниманием слушающих. Впоследствии общая модель коммуникации внутри группы своих сверстников переносится детьми во взрослую жизнь, что и является потенциальным источником непонимания между мужчинами и женщинами [Ibidem, p. 204].

Указанными исследователями также была предпринята попытка применить предложенную ими модель «двух субкультур» к интерпретации полученных ранее данных о гендерных различиях в языке. Согласно Мальцу и Боркер, женщины используют вопросы как стратегию поддержания разговора, а мужчины – как прямой запрос об информации; в разговорах о личных проблемах женщины предпочитают в ответ делиться своими, что обеспечивает установление межличностных отношений и выражает поддержку собеседника, а мужчины рассматривают разговор о проблемах как обращение за советом, который они с готовностью предлагают; в женских группах тема разговора развивается и сменяется постепенно, вовлекая по очереди как можно больше участников, а в мужских группах тема определяется довольно узкими рамками и обсуждается до тех пор, пока не будет исчерпана, после чего резко меняется [Ibidem, p. 213]. Взаимное непонимание мужчин и женщин стало рассматриваться как своеобразный конфликт различных ожиданий и предположений, которые имеют мужчины и женщины относительно коммуникации с представителями противоположного пола.

Таким образом, теория различия показывает, что аналогично тому, как под влиянием различных культурологических факторов возникают различные этнические стили общения, в контексте различных социальных условий развиваются гендерно специфические стили общения, с характерными для них ожиданиями, представлениями и интерпретациями коммуникативных стратегий. Причем эти гендерные стили различаются лишь формальными характеристиками, а в остальном вполне адекватно обеспечивают коммуникацию внутри сообществ, которые их используют.

Именно благодаря нивелированию негативных оценочных коннотаций (неадекватность, дефицитность, дискриминация, подчинение) в гендерных различиях в языке, «субкультурная» модель послужила сильным стимулом для проведения исследований, направленных на выявление особенностей общения внутри мужской и женской субкультур.

Два гендерно-специфических коммуникативных стиля были детально исследованы и описаны в работах ряда лингвистов [4; 5; 7; 12; 15]. При этом в традициях «субкультурного» подхода была полностью пересмотрена коммуникативная компетенция и стиль женского общения с позитивных позиций. В рамках теории гендерных различий положительные характеристики были выбраны для женского коммуникативного стиля: он описывался как стиль сотрудничества, благожелательный по отношению к собеседнику (*cooperative, supportive*), ориентированный на потребности социального лица адресата (*other-oriented*). Д. Таннен ввела в связи с этим термин *стиль высокой заинтересованности (high involvement style)* [15, p. 63]. В результате в центре «новой модели дефицитности» оказался стиль общения мужчин, а их трудности вербального самовыражения представлялись в довольно невыгодном свете [2].

Благодаря широкому распространению результатов исследований, полученных в рамках субкультурной модели и их селективному использованию за пределами академической сферы, элементы так называемого стиля сотрудничества и высокой заинтересованности нашли широкое распространение в бизнесе, а точнее сфере услуг. Так, телефонные центры (колл-центры) Великобритании специально разработали и «феминизировали» сценарии общения своих телефонных операторов с клиентом, включив в них многие стереотипные элементы женского стиля, такие как приветливый и заботливый тон голоса, использование улыбки и экспрессивной интонации, передающей искренность и стремление помочь клиенту, а также установление контакта с собеседником с помощью вопросов, кратких ответов и других средств, способствующих неприужденному развитию разговора и сигнализирующих о том, что оператор внимательно («активно») слушает, не теряя нити разговора и не забывая о клиенте, обрабатывая при этом его запрос [Ibidem].

Казалось бы, теории различия удалось избежать негативных обертонов и тем самым как бы разрешить конфликт «мужского» и «женского» в речи: мужской и женский коммуникативные стили стали представляться как *равные, но разные (equal but different)*. Однако далеко не все результаты работ по гендерной проблематике поддаются интерпретации с точки зрения теории различия и упрощенной трактовке мужского и женского стиля как равноправных, но различных. Как подчеркнула Д. Камерон, «различные дискурсивные стратегии возникают в различных социальных контекстах и используются для выполнения разных задач, а не просто для выполнения одной задачи, но различными способами» [3, p. 44]. Особенно показательны в этом плане работы, направленные на изучение дискурсивных практик и стратегий вербального взаимодействия мужчин и женщин в сфере профессиональной коммуникации. Выполненные в данном направлении исследования показывают, что присутствие женщин в таких традиционно мужских профессиональных сферах, как политика, инженерное дело или охрана общественного правопорядка (полиция), все еще является довольно проблематичным в связи с тем, что, во-первых, женщины все еще представляют в них меньшинство, а во-вторых, сам факт появления женщин в этих сферах воспринимается как их символическое «вторжение на территорию мужчин». Поэтому женский коммуникативный стиль и манера «не вписывающегося» в общие дискурсивные практики, каноны которых исторически сложились в условиях исключительного доминирования в этих сферах мужчин. Отметим лишь несколько работ, иллюстрирующих данный тезис.

Исследование С. Шо было выполнено в рамках этнолингвистического подхода на материале данных, полученных в результате анализа 60 часов видеозаписей различных парламентских событий, а также интервью с женщинами-парламентариями [13]. Целью исследования было выяснение, в какой степени женщины «принимаются» в такое институализированное и гендерно специфическое языковое и общественное пространство, как Палата общин, нижняя палата парламента Великобритании, и каким образом они участвуют в его работе. При этом недавно правительством были предприняты меры по увеличению числа женщин-парламентариев.

Важно отметить, что вплоть до второй половины XX в. Парламент Великобритании оставался сферой деятельности исключительно мужчин, и поэтому правила ведения дебатов в нем сложились и регулировались на протяжении многих веков как нормы и порядки, установленные мужчинами, и в силу этого дискурс парламентских дебатов является довольно конфронтационным и состязательным.

Правила ведения дебатов представляют собой строго регламентированный тип дискурса. Сами дебаты проходят под председательством спикера, который следит за порядком и за тем, чтобы парламентарии строго следовали формату дебатов и не отклонялись от темы. Члены парламента имеют право высказываться только тогда, когда получают на это разрешение спикера. Во время дебатов парламентарии должны обязательно использовать так называемый *парламентский язык*: обращаться друг к другу только в третьем лице (например, *Honorable Lady, Honorable Gentleman*), их речь должна быть обращена к спикеру, а не напрямую к своему оппоненту. Однако успех политической карьеры и влияние парламентария в Палате общин определяется не только его умением следовать правилам, но и его способностью пренебречь правилами, чтобы высказать свою точку зрения. Поэтому в практике дебатов в парламенте высоко ценятся и официальные, разрешенные спикером и вносимые в протокол выступления, и неофициальные выступления, то есть групповые или индивидуальные реплики с места, перебивающие выступающего и выражающие ему поддержку или неодобрение. При этом последние зачастую допускаются спикером, не вызывая его замечаний. Наиболее крайним случаем нарушения хода парламентских дебатов является практика «флибустьерства». Это особый прием, осуществляемый группой парламентариев отдельной партией, и целью его является «захватить» или «присвоить» для своих выступлений все время, отведенное на дебаты, с тем, чтобы не допустить завершения дебатов и принятия решения [13, p. 309].

Исследование показало, что женщины-парламентарии подвергаются большему давлению со стороны спикера в случае, если в своих выступлениях не следуют предписанным нормам парламентского языка. Особенно интересными оказались результаты, касающиеся права выступления в Палате общин. Что касается официального права выступления на дебатах, то оно предоставлялось мужчинам и женщинам в равной степени, пропорционально их представительству (числу) в Палате общин. Однако соотношение официальных и неофициальных высказываний выявило разительный дисбаланс в гендерном плане: 90% всех неофициальных реплик «с места» были сделаны мужчинами, что фактически значительно снизило общую долю участия женщин в дебатах [Ibidem, p. 308]. В материале С. Шо также было выявлено три случая «флибустьерства» во время дебатов, причем во всех случаях в них участвовали только мужчины [Ibidem, p. 309]. На основании анализа полученных данных С. Шо был сделан вывод о том, что женщины-парламентарии не обладают равным с мужчинами статусом в Палате общин. Будучи в меньшинстве, они стремятся строго следовать правилам и принятым в парламенте практикам и не участвуют в практиках, нарушающих ход дебатов. Тем не менее эта стратегия отказа от «мужских правил игры» снижает их влияние и минимизирует эффективность их вклада в деятельность Палаты общин, закрепляя за ними статус аутсайдеров, находящихся «на чужой территории» (С. Шо использовала термин *interloper*, который согласно толковому словарю Вэбстера, *Webster's New World Dictionary*, означает человека, оказавшегося в ситуации или месте, где он не нужен или к которому не имеет никакого отношения) [16].

С позиций дискурсивного анализа было проведено исследование, демонстрирующее, каким образом гендерные императивы могут вступать в конфликт в определенном сообществе практик в технической сфере [1]. В фокусе исследования В. Бергваль находились коммуникативные стратегии, используемые на аудиторных занятиях студентками, получающими инженерную специальность в Мичиганском технологическом университете (который, помимо всего прочего, стремился к увеличению количества женщин среди своих студентов). Поскольку инженерная специализация является традиционно мужской, то «культурный контекст, в котором студенты готовятся стать инженерами, является, следовательно, и андроцентричным и гендерно-поляризованным» [Ibidem, p. 177]. Эта ситуация предъявляет разные требования к гендерной роли студенток-женщин: с одной стороны, достижение академического успеха требует проявления упорства и настойчивости, присущих мужскому общению, а с другой – поиск романтического партнера, характерный для этого жизненного этапа, требует соответствия традиционному стереотипу женственности. В. Бергваль показала, что на аудиторных занятиях эти два императива, действующие в противоположных направлениях, заставляют студенток использовать широкий спектр стратегий, от типично мужских до типично женских. Но в любом случае они действуют против женщин, обеспечивая им либо одну цель, либо другую, но не обе. В частности, В. Бергваль отметила, что на аудиторных занятиях по письменному английскому реплики и смех студентов группы могли заставить академически сильную женщину-студентку прервать свое высказывание или, как бы в оправдание сказанному, сделать самокритичное замечание. В то же время смех, сопровождающий высказывание менее академически успешного мужчины-студента, рассматривался им как одобрение или поддержка и не заставил его прекращать высказывание. Кроме того, та же студентка, проявившая активность на занятиях, получила самый низкий балл по результатам взаимной оценки (взаимная оценка – это вид оценки работы студента, при котором студенты сами оценивают академическую работу своих коллег по группе в конце семестра). Её участие в занятиях было оценено тем же баллом, что и участие мужчины-студента, который практически не выступал на занятиях. Более того, студентка, предпочитавшая молчать на занятиях, получила более высокий балл по результатам взаимной оценки, чем её активно занимавшаяся коллега по группе. Так группа выразила свое критическое отношение к уверенной манере коммуникативного поведения своей коллеги.

Анализ устной коммуникации на аудиторных занятиях показал, что социальные роли женщин-студенток технологического университета вступают в конфликт, затрагивающий гендерную идентичность, что особенно заметно в женском дискурсе. С одной стороны, чтобы быть успешными студентами, женщины-студентки стремятся к достижению академических целей и овладению профессиональными знаниями, а с другой стороны, подобная целеустремленность вступает в конфликт с традиционными гендерными ожиданиями о том, что соревновательный дух и соперничество не присущи молодым женщинам, которые хотят быть привлекательными для мужчин. Подобный конфликт гендерной и профессиональной идентичности был зафиксирован и в исследовании, выполненном с применением концепции дискурсивного позиционирования [8].

Наконец, в рамках социолингвистического исследования было изучено общение в другой традиционно мужской профессиональной сфере – в полиции города Питтсбург (США), где в середине 1970-х в рамках специальной инициативы в полиции стали привлекать большее число представителей социальных групп, недостаточно широко вовлеченных в данную профессиональную область, в том числе женщин [11]. Исследование Б. МакЭлинни было направлено на то, чтобы выяснить, как происходит интегрирование женщин в типично мужскую профессиональную среду. Материалом для анализа послужили транскрипты бесед полицейских, выезжающих на вызовы в связи со случаями проявления домашнего насилия, с потерпевшими, а также непосредственные интервью с женщинами, пришедшими работать в полицию. Исследование показало, что, находясь в профессиональной мужской сфере, женщины принимают коммуникативные нормы общения, характерные для мужского стиля, и следуют им, хотя, как они подчеркивают в своих интервью, в обычной жизни это не является типичной для них манерой.

Профессиональный стиль и манера общения полицейских-женщин и мужчин был охарактеризован исследователем как *экономика эмоций (economy of affect)* [Ibidem, p. 313], в особенности это касается проявления

дружелюбного настроя и выражения сопереживания по отношению к потерпевшим. При составлении протокола в общении с жертвами домашнего насилия женщины-полицейские использовали обезличенный, бюрократический стиль, сигнализирующий об эмоциональной дистанции и отстраненности. Они старались не проявлять эмоций, даже если сами жертвы домашнего насилия, оказавшиеся в тяжелой ситуации, обращались к полицейским за сочувствием и сопереживанием. Подобный стиль включает такие приемы управления дискурсом, как долгие паузы, отстраненность, перебивание высказывания собеседника, отсутствие своевременного ответа на вопрос собеседника, резкая смена общего направления беседы и некоторые другие [Ibidem, p. 321]. Сами женщины-полицейские в своих интервью расценивали подобный коммуникативный стиль как проявление своего профессионализма. Они считали, что, подобно врачам, адвокатам или судмедэкспертам, они должны рассматривать пострадавших как случай из своей профессиональной практики, беспристрастному и объективному разрешению которого они должны способствовать. Такая манера подчеркивает, что в любых, даже самых сложных и опасных ситуациях, полицейский действует хладнокровно, сохраняя самообладание и уверенность в себе.

Подводя итоги представленного выше обзора, прежде всего необходимо подчеркнуть: результаты исследований, отражающих состояние проблемы в англоязычной культуре и обществе, показывают, что присутствие женщин в традиционно мужской профессиональной сфере и мужском языковом пространстве все еще остается проблематичным. С одной стороны, общество осознает необходимость изменений, предпринимая попытки устранить неравенство мужчин и женщин в профессиональной и общественно-политической сферах, а с другой, появление женщин в традиционно мужских профессиональных доменах происходит преимущественно «по решению сверху», а не потому что женщины находят эти профессии особенно привлекательными для себя. В результате женщины в таких профессиональных сферах все еще составляют меньшинство.

Далее такая ситуация не может быть адекватно объяснена с позиций широко распространенной теории двух гендерных субкультур. Дело в том, что присутствующий в теории гендерных различий релятивизм приукрашивает действительность, считая мужской и женский стили общения просто различными и комплементарными по отношению друг к другу (*разные, но равные*). Этот релятивизм скрывает тот факт, что два элемента гендерной дихотомии неравноправны и противопоставлены друг другу по различным основаниям. Они оцениваются в обществе по-разному и имеют различную значимость, подобно тому как противопоставляются по своей значимости публичная и частная сфера жизни общества, типично мужские и типично женские роли, занятия, интересы и профессии.

Наконец, рассмотренные исследования показали, каковы лингвистические и дискурсивные последствия такого положения вещей для женщин, символически оказавшихся «на чужой территории», в мужских профессиях. В этом отношении для них появляются три возможности. Первая состоит в том, что женщины должны научиться принимать и приспосабливаться к коммуникативным нормам и практикам мужской профессиональной среды, иначе эффективность и степень участия женщин в профессиональной коммуникации может быть сильно ограничена или сведена на нет. Другой возможностью для женщин является сочетание в профессионально ориентированной коммуникации элементов как мужского, так и женского стиля. Однако, каким бы гармоничным не было это смешение гендерных стилевых элементов, оно не ведет к формированию гендерно-нейтрального стиля, приемлемого в любой ситуации, и зачастую не обеспечивает женщинам положительной оценки в профессиональном сообществе, так как они продолжают оцениваться прежде всего на основании гендерного, а не профессионального критерия [9]. Поэтому их отказ от типично женского коммуникативного стиля на рабочем месте может привести к восприятию их как аберрантных представителей своей гендерной группы. Третья возможность все же отражает случай, когда за женским коммуникативным стилем закрепляется статус наиболее востребованного и преобладающего стиля в бизнесе, однако этим видом бизнеса является сфера услуг – именно та сфера, которая изначально ассоциируется с женщинами и их коммуникативным стилем.

Очевидно, что женщинам довольно сложно выйти за рамки своей традиционной роли в обществе (роли опекуна, «услугодателя», исполнителя, подчиненного) и оказаться в профессиональной сфере мужчин. Не просто изменить укоренившиеся гендерные стереотипы в обществе. Ни одна из указанных коммуникативных стратегий не обеспечивает женщинам конкурентного преимущества перед мужчинами, даже если они хотят стать подлинно равноправными участниками типично «мужских» профессиональных сфер.

Поэтому перспективным направлением исследования представляется изучение дискурсивных практик и контекстов профессиональной коммуникации, где один пол оказывается в профессиональной сфере доминирования другого пола (женщины в «мужских» профессиях, мужчины в «женских» профессиях). Эта область гендерных исследований требует дополнительного и более тщательного изучения как в эмпирическом, так и в теоретическом плане. Кроме того, сопоставление в этом отношении англоязычных и русскоязычных данных будет способствовать углубленному изучению проблемы гендерной специфики профессионального общения в межкультурном аспекте.

Список литературы

1. **Bergvall V.** Constructing and Enacting Gender through Discourse: Negotiating Multiple Roles as Female Engineering Students // *Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice* / V. Bergvall, J. Bing, A. Freed (eds.). Longman: London and N. Y., 1996. P. 173-201.
2. **Cameron D.** Styling the Worker: Gender and the Commodification of Language in the Globalized Service Economy // *Journal of Sociolinguistics*. № 4/3. Blackwell Publishers, 2000. P. 323-347.

3. **Cameron D.** The Language-Gender Interface: Challenging Co-Optation // Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice / V. Bergvall, J. Bing, A. Freed (eds.). London: Longman, 1996. P. 31-53.
4. **Coates J.** Women Talk. Oxford: Blackwell, 1996. 325 p.
5. **Coates J., Cameron D. (eds.)**. Women in Their Speech Communities. London: Longman, 1988. 191 p.
6. **Coates J., P. Pichler (eds.)**. Language and Gender: a Reader. 2nd edition. Wiley-Blackwell, 2011. 615 p.
7. **Holmes J.** Women, Men and Politeness. Longman, 1995. 254 p.
8. **Jorgenson J.** Engineering Selves: Negotiating Gender and Identity in Technical Work // Management Communication Quarterly. Sage Publications, 2002. Vol. 15. № 3. P. 350-380.
9. **Litosseliti L.** Gender and Language: Theory and Practice. London: Hodder Education, 2006. 192 p.
10. **Maltz D., Borker R.** A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // Language and Social Identity / J. Gumperz (ed.). Cambridge: Cambridge University press, 1987 (first 1982). P. 196-216.
11. **McElhinny B.** "I don't Smile Much Anymore": Affect, Gender and the Discourse of Pittsburgh Police Officers // Language and Gender: a Reader / J. Coates (ed.). Oxford: Blackwell, 1998. P. 309-327.
12. **Nordenstam K.** Male and Female Conversational Style // International Journal of the Sociology of Language. 1992. № 94. P. 75-98.
13. **Shaw S.** Governed by the Rules? The Female Voice in Parliamentary Debates // Language and Gender: a Reader. 2nd ed. / J. Coates, P. Pichler (eds.). Wiley-Blackwell, 2011. P. 300-315.
14. **Talbot M.** Language and Gender. 2nd edition. Cambridge: Polity Press, 2010. 272 p.
15. **Tannen D.** Gender and Discourse. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 1996. 229 p.
16. **Webster's New World Dictionary.** 3rd College Edition / V. Neufeldt, D. B. Guralink (eds.). New York: Simon & Schuster, 1988. 1574 p.

**WOMEN IN THE PROFESSIONALLY-ORIENTED DISCOURSE:
"ON A FOREIGN TERRITORY"**

Vasil'eva Inga Borisovna, Ph. D. in Philology
Immanuel Kant Baltic Federal University
inga_yassilieva@hotmail.com

In the article the author presents the analysis of the theory of differences which explains the gender variability in the language by the presence in society of two different but equally significant gender subcultures – “masculine” and “feminine”. The problematic character of such interpretation is identified on the basis of material of the works where the communicative style of women in the traditionally man’s professions (Parliament, engineering, police) studied from the perspectives of ethnolinguistics, sociolinguistics and discourse analysis is identified. It is shown that in the traditionally man’s professions the “feminine” communicative style has no equivalent functional significance on a par with the “masculine” style.

Key words and phrases: language and gender; gender theory; gender differences; professional discourse; communicative style; sociolinguistics.

УДК 81.23

Филологические науки

Статья посвящена проблеме изучения семантики имен прилагательных, объединенных по типу словообразовательного значения, задействованного в суффиксальной модели «усиление признака», «ослабление признака». На основе ономастологического изучения была предпринята попытка выявить семантические тенденции исследуемых языков, проанализировать закономерности комбинаторики ономастологического признака и ономастологического базиса суффиксальных прилагательных, выделить универсальные и дифференциальные черты семантики суффиксальных прилагательных «усиления» и «ослабления» признака английского и турецкого языков. Также предпринята попытка раскрыть значения суффиксальных прилагательных с метафорическим переосмыслением.

Ключевые слова и фразы: семантика; мотивированность; суффиксальное прилагательное; словообразовательное значение суффикса; лексико-семантическая группа; продуктивность.

Вильданова Эльмира Минекасимовна, к. филол. н., доцент
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
carinavil@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ «УСИЛЕНИЯ ПРИЗНАКА»
И «ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА» СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ[©]**

Вопрос выявления семантических тенденций в сфере словообразования двух типологически разнотипных, неконтактирующих, генетически неродственных языков остается в фокусе лингвистов.